
С. М. ШУМИЛО

Национальный университет
«Черниговский коллегийум» им. Т. Г. Шевченко,
Чернигов, Украина

Тема общенационального бедствия в корпусе средневековых произведений о татаро-монгольском нашествии

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены древнерусские произведения, посвященные татаро-монгольскому нашествию, с точки зрения восприятия авторами общенационального горя. В частности, проанализированы апокалиптические мотивы, встречающиеся в Лаврентьевской и Тверской летописях, идея праведной смерти как посещения Божия, характерная для «Сказания о перенесении образа Николы Чудотворца в Рязань», мотив приближения и желания смерти, как он выражен в «Повести о разорении Рязани Батыем», смерти за Христа как духовной победы над врагом и как вызова безбожному врагу, как это характерно для «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», восприятие смерти как неизбежного результата сражения с врагом, даже если сражение выиграно, как это показано в «Слове о Меркурии Смоленском». Во всех рассмотренных произведениях авторы ищут ответ на вопрос, за что русский народ постигла кара Божия в виде нашествия, и отвечают на этот вопрос примерно одинаково, указывая на грехи русских князей, величающихся своей силой, храбростью и не желающих жить в мире между собой. Средневековые писатели указывают на покаяние как единственное средство к достижению мира.

Ключевые слова: «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца в Рязань», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», «Слово о Меркурии Смоленском», литература эпохи татаро-монгольского нашествия.

Svetlana M. Shumilo (Т. Н. Shevchenko National University ‘Chernihiv Colehium’, Chernihiv, Ukraine). The Theme of National Catastrophe in the Corpus of Medieval Works About the Tatar-Mongol Invasion

ABSTRACT

The article examines Old Russian works dedicated to the Tatar-Mongol invasion from the point of view of the authors' perception of national grief. In particular, it analyzes apocalyptic motifs found in the Laurentian and Tver Chronicles, the idea of a righteous death as a visitation from God, characteristic of the *Tale of the Transfer of the Image of St. Nicholas the Wonderworker to Ryazan*, the motif of the approach and desire for death, as it is expressed in the *Tale of the Destruction of Ryazan by Batu*. Special attention is paid to death for Christ as a spiritual victory over the enemy and as a challenge to the godless enemy, as is characteristic of the *Tale of the Murder of Prince Mikhail of Chernigov and His Boyar Feodor in the Horde*. The article also focuses on the perception of death as an inevitable result of a battle with the enemy, even if the battle is won, as shown in the *Tale of Mercury of Smolensk*. In all the works considered,

the authors seek an answer to the question: why were the Russian people punished by God in the form of an invasion? Old Russian authors answer this question in approximately the same way, pointing to the sins of the Russian princes. They boasted of their strength and courage and didn't want to live in peace among themselves. Medieval writers point to repentance as the only means to achieve peace.

Keywords: *Tale of the Transfer of the Image of St. Nicholas the Wonderworker to Ryazan, Tale of the Destruction of Ryazan by Batu, Tale of the Murder of Prince Mikhail of Chernigov and His Boyar Feodor in the Horde, Tale of Mercury of Smolensk*, literature of the Tatar-Mongol invasion.

Татаро-монгольское нашествие, постигшее Русь в XIII в., было воспринято нашими предками не просто как беда, а как начало конца света. Страх перед татарами описан в древних летописях ярко и страшно: «И хлѣбъ во уста не идешеть от страха»,¹ — пишется в Лаврентьевской летописи. «Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез и въздыханія, и страха и трепета от всѣхъ злыхъ, находящихъ на ны», — пишет автор Повести про разорение Рязани Батыем.² Серапион Владимирский так изображает состояние народа во время нашествия: «Разрушены божественныя церкви, осквернены быша ссуди священіи и честныя кресты и святыя книги, потоптана быша святая мѣста, святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержены быша, кровь и отецъ, и братья наша, аки вода многа, землю напои, князії нашихъ воеводъ крѣпость ищезе, храбрии наша, страха напълньшесе, бѣжаша, множайша же братья и чада наша въ плѣнь ведени быша, гради мнози опустѣли суть, села наша лядиною поростоша, и величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше онѣмъ в користь бысть, трудъ нашъ погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть, в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля наша, в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ...»³

Войны, набеги, пожары случались на Руси и до этого, но здесь было что-то новое и по-новому страшное: татары не просто грабили, как все кочевники, периодически совершавшие набеги на Русь в силу кочевого образа жизни. Новый враг сжигал Русь последовательно, русичи сразу поняли, что речь идет не просто о грабеже, не просто об обогащении, а о каких-то других идеалах, непонятных для них. Да и как можно было понять монгольскую идею покорить под себя все земли «до последнего моря», — идею создания империи, чуждую русичам?⁴ Отличие нового неприятеля было и в его тактике, как замечает С. О. Павленко: «У попередні часи князі перед тим, як піти на половців, довго домовлялися, збиралися... Новий загарбник не давав часу своїм противникам на роздуми і збирання — він діяв блискавично, зненацька й зухвало».⁵

Татары казались нашим предкам народом, вышедшим из других миров, таким, который страшен прежде всего из-за того, что «не свѣдаемъ, откуда

¹ Цит. по: *Лихачев Д. С. Литература трагического века в истории России // БЛДР. СПб., 2000. Т. 5: XIII век. С. 6.*

² Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // БЛДР. Т. 5. С. 152.

³ Слова и Поучения Серапиона Владимирского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // БЛДР. Т. 5. С. 376.

⁴ См. подробнее: *Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.*

⁵ *Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів, 1996. С. 25.*

были пришли и камо ся дѣли».⁶ Неизвестность, конечно, пугает больше всего. Недаром все летописные рассказы о нашествии начинаются соображениями авторов о том, кто такие татары: «Того ж лѣта явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таурмены, а друзии печенѣзи... Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша...»⁷

Страх перед татарами усиливался и за-за того факта, что перепуганные половцы, многолетние враги русичей, и те стали просить помощи, поддержки перед лицом опасности со стороны степи. Общий враг на тот момент соединил русичей и половцев. Летописец, рассказывая об этом в статье под 1223 г., размышляет над причинами бедствия, постигшего половцев, так: «...и половець безбожных множество избиша, и а инѣхъ загнаша. И тако измроща, убиваеми гнѣвом Божиимъ и Пречистыя Его Матери. Много бо зла створиша ти окаяннии половци Руской земли. Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити и наказати сыны Измаиловы, куманы, яко да отмстятъ за кровь христьянску; еже и бысть над ними беззаконными».⁸ Этими размышлениями автор начинает рассказ о битве на Калке; зная, чем она завершится для русичей, летописец тем не менее считает нужным отметить, что половцы страдают по причине собственных плохих поступков. Думается, под плохими поступками автор даже не подразумевает их «безбожие», хотя, по замечанию П. В. Билоуса, именно это чаще всего становилось в глазах русичей причиной гнева Божьего,⁹ но причина здесь — пролитие христианской крови: «да отмстятъ за кровь христьянску».

Попробуем проследить, как русичи приходят к осознанию случившегося. Апокалиптические мотивы литературных произведений о монголо-татарском нашествии не вызывают у наших предков сожалений по поводу того, что времена истекают. Напротив, лейтмотивом всей литературы о нашествии является признание своей вины перед Богом и готовность ее искупить. Более того, именно нашествие является не только наказанием, но и «посещением Божиим», поводом для подвига, а не просто дурным стечением обстоятельств.

Особенно ощутимо это восприятие в «Сказании о перенесении образа Николая Чудотворца в Рязань». Произведение удивляет парадоксальными суждениями автора о судьбе рязанского князя и его семьи, а также нелогичной композицией, на что указала И. А. Лобакова.¹⁰ Сказание начинается с короткого рассказа о битве на Калке со сдержанным указанием: «И стаща князи рустии за половець, а побьени быша за Днестром на речке на Хортицы на Калском поле Половецкой земли, на Калках месяца июня въ 16 день».¹¹ Эта сдержанность кажется странной, учитывая, что именно во время битвы на Калке произошло событие, которого раньше русичи не знали, — они потер-

⁶ Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Тверской летописи / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. Т. 5. С. 116.

⁷ Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Лаврентьевской летописи / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. Т. 5. С. 92.

⁸ Там же.

⁹ Билоус П. В. Українська середньовічна література: Монографія. Житомир, 2015. С. 172—184.

¹⁰ Лобакова И. А. «Сказание о перенесении образа Николая Чудотворца из Корсуна в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Комментарии // БЛДР. Т. 5. С. 473.

¹¹ Сказание о перенесении образа Николая Чудотворца из Корсуна в Рязань / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // БЛДР. Т. 5. С. 132.

пели сокрушительное поражение. Тверская летопись так говорит о результате Калкской битвы: «И бысть побѣда на князи руския, яко же не бывала отъ начала Руские земли».¹² Этому эмоциональному выводу летописца предшествует подробное описание сговора с половцами, договоренности между русскими князьями, некрасивого поступка Мстислава Галицкого, зависти между русскими князьями и их поражения. Всего этого в Сказании нет.

Сказание составлено как отрывок из летописи и содержит четыре сюжета, которые, по замечанию И. А. Лобаковой, «различны по стилю и слабо связаны сюжетно».¹³ Тем не менее Сказание написано, как считал Д. С. Лихачев, в одно время с наиболее печальным произведением о нашествии — «Повестью о разорении Рязани Батыем». На наш взгляд, сдержанность начальной записи в Сказании не случайна: задача автора не в том, чтобы описать войну с татарами и ужасы поражения, — он рассказывает, как в эти же времена в Рязань следует чудотворный образ святого Николая, и полностью углубляется в это описание, будто рядом не совершается нечто ужасное.

Перенесение образа автор Сказания истолковывает как свидетельство явного благословения Божия, поданного князю Феодору, его семье и всей Рязанской земле. Во время чудесного явления Евстафию Николай Чудотворец говорит ему: «...возми мой чудотворный образ Корсунски... и гряди в землю Резаньскую. Тамо хошу быти, и чюдеса творити, и мѣсто прославити».¹⁴ Чем же прославляется этот город? Автор знает чем — гибелью всей Рязани и страшной смертью князя и его семьи. Но он продолжает повествование так, словно ему это неизвестно, описывает, как св. Николай является самому князю Феодору с теми же словами, и добавляет к ним свое прошение за князя: «Княже, гряди во стрѣтение чюдотворнаго моего образа Корсунскаго! Хошу бо здѣ быти и чюдеса творити. И умолю о тебе всемилостиваго и человеколюбиваго Владыку Христа Сына Божия — да подарует ти венец Царствия Небеснаго, и женѣ твоей, и сынови твоему».¹⁵ Слово «венец», вероятно, здесь служит аллюзией на мученический венец, поскольку именно в этом контексте оно чаще всего используется в богослужебной, житийной и проповеднической литературе. Святитель не говорит князю, что будет молиться за «благоденствие» его и семьи, но именно за венец Царства Небесного — и это немного настораживает читателя, хотя, по замыслу автора, вероятно, реципиент должен будет почувствовать определенный эффект неожиданности, когда станет ясно, о каких благах молит Чудотворец. Та же аллюзия усматривается и в словосочетании «посетил Бог», поскольку «посещением Божьим» святые отцы издавна называют скорбь, которую трудно пережить. Самые страшные беды люди обычно называют «посещением», и именно это определение придает беде мистический смысл и призывает человека к смирению и раскаянию. Так, в Сказании говорится: «Великий князь Георгий Ингоревич услыша приход чюдотворнаго Николина образа и возблагодари Бога и угодника его чюдотворца Николу, яко посѣти Богъ люди своих, и не забы дѣло руку своею».¹⁶

¹² Летописные повести о монголо-татарском нашествии. Из Тверской летописи. С. 114.

¹³ Лобакова И. А. «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Комментарии. С. 473.

¹⁴ Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань. С. 134.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Там же. С. 136.

После этих достаточно пространных размышлений над видениями автор Сказания снова передает события следующих лет исключительно сдержанно: кратко описывает построение храма в честь св. Николая, брак Феодора с Евпраксией и рождение у них сына, которого книжник почему-то именуется «песником», несмотря на то что ребенок погиб; гибель Евпраксии с младенцем объясняет название иконы «Николай Зараский» именно тем, что княгиня «заразилась» (сама себя «поразила» — сбросилась с башни) с сыном.

Связь смерти Евпраксии с названием иконы многократно обсуждалась в различных исследованиях, как и название иконы, которое впоследствии было заменено на «Зарайский».¹⁷ Ученые до сих пор не пришли к согласию по поводу этимологии названия, поэтому вариант, предложенный книжником, нельзя обойти стороной, как и тот факт, что переход от «зараский» к «зарайский» парадоксален из-за антонимичности древних слов «заразиться» и «рай».

Если правильны предположения об аллюзии на мученический венец, о «посещении» Божиим и об истинности происхождения слова «Зараский» от «заразиться», то композиция Сказания видится достаточно стройной: сдержанные начало и конец, содержащие рассказы об ужасных событиях войны, являются обрамлением главного рассказа. Центральная часть — это пространное описание всего того, что касается иконы. Она, в свою очередь, распадается на три составляющие части: упоминание о том, что такое Херсонес для Руси, рассказ о пути Евстафия и искушении его жены и, наконец, описание встречи иконы в Рязани. Автор применяет прием амплификации для этих частей Сказания, то есть намеренно расширяет их, наполняет диалогами и размышлениями. Следовательно, он стремится привлечь внимание читателя к факту того удивительного благословения, которое приносит с собой икона в Рязань, — благословения на честную смерть. Книжник как будто заставляет читателя тоже отвлечься от страшных событий действительности и находиться умом в духовном мире, где благо измеряется по-другому, не так, как на земле, — и автору это удается, ведь сдержанный рассказ об убийстве Феодора и гибели его семьи после пространного рассказа об иконе не впечатляет и не ужасает читателя, он лишь напоминает реципиенту о том, что тот и так знает.

Сказание открывает собой цикл повестей о Николе Зараском, второй составляющей частью которого является «Повесть о разорении Рязани Батыем». Это произведение контрастирует с предыдущим: здесь содержатся подробные описания и ужасных сражений, и гор трупов, и плачи главных героев и народа, и собственный плач автора. Думается, эти два произведения недаром сосуществуют в древней книжности: только парадоксальное восприятие смежных слоев жизни — духовного, как в Сказании, и земного, как в Повести, — помогает читателю понять страшную картину нашествия.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» Д. С. Лихачев приравнивает по художественному совершенству к Слову о полку Игореве.¹⁸ Автор Повести не скупится на краски, описывая ужас тех событий, он начинает именно с того, чем завершено Сказание, — с убийства князя Феодора, но здесь оно описано

¹⁷ См. об этом: *Мазуров А. Б.* Существовала ли в XIII—XV вв. чудотворная икона Николы Корсунского (Зарайского)? // Палеороссия: Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Науч. журнал. 2020. № 1 (12). С. 140—158.

¹⁸ Цит. по: *Лобакова И. А.* «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуна в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Комментарий. С. 474.

более подробно. Еще подробнее книжник описывает плач ближних по князю: «И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего князя Федора, инѣх князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакаться, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею. И плакашеся весь град на многъ час, и едва отдохнув от великаго того плача и рыдания».¹⁹

Так же трогательно описана гибель воинов Рязани, и, как в «Чтении о Борисе и Глебе», автор в конце Повести с особой печалью вспоминает, насколько они были хороши при жизни, оплакивает их молодость, красоту, храбрость и силу: «Сии бо государи рода Владимира Святославича, сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. Быше родом христоролюбивыи, братолюбивыи, лицом красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приездим привѣтливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарских потех охочи, ратному дѣлу вельми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы».²⁰

Можно найти много аналогичных плачей по русским воинам той эпохи. Знаменателен тот факт, что плач нигде не предшествует апатии, отчаянию или крайней скорби. Напротив, плач иногда сравнивается книжниками со звуком военного рога, призывающего воинов к битве.

Именно так в «Повести о разорении Рязани» описан Ингвар Ингоревич: «Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших и жалостно воскричаша, яко труба, рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающи...»²¹ И далее: «И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаща, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в персьи свои рукама биюще...».²² Кажется странным сравнение с трубой, но еще более странным — со сладким органом, потому что может ли быть в таком плаче сладость? Но наверное, может, потому что призыв к сбору войск спасает князя и других от отчаяния, активное сопротивление здесь является единственным, что может помочь.

Так же и Евпатий Коловрат после ужасного зрелища изрубленных и зарезанных тел рязанцев сразу переходит к призыву на борьбу: «И пригна во град Резань, и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своя и распалаяся въ сердца своем. И собра мало дружины тысящу семсот человек, которых Богъ соблюде — быша внѣ града».²³ Аналогично в Лаврентьевской летописи описан и князь Юрий, который начал тосковать о том, что татарами взят Владимир, но именно во время его плача подошли татары, и он «отложивъ всю печаль, глаголя: „Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живой, яко погна врагъ душо мою“. И паки второе помолися: „Господи

¹⁹ Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // БЛДР. Т. 5. С. 142.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ Там же. С. 148.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же. С. 146.

Боже мой, на Тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя²⁴. И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю».²⁴

Все русичи, переходящие от плача к собиранию воинов, кажется, стремятся не к победе, а к честной смерти. Так, Георгий Ингорович, созерцая смерть брата Давида, говорит: «О братие моя милая! Князь Давыдъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем?!»²⁵ Автор вводит слово «чаша» в описание смерти еще раз через несколько строк: «Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша».²⁶ Символ чаши приводит читателя к мысли о чаше Причастия, благодаря чему смерть воспринимается в Повести как момент победы, а не поражения. Князья стремятся к ней как к надежде на вечную жизнь и как к спасению от невыносимой скорби, которая разлилась по всей Русской земле.

Так же стремится к смерти и черниговский князь в «Сказании об убийстве в Орде князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора». Это одно из самых удивительных древних житий, поскольку исторический образ князя Михаила мало совпадает с осознанием его как святого. Тем не менее Сказание много раз переписывалось, редактировалось и даже было переработано известным творцом украшенного стиля Пахомием Логофетом (XV в.), что свидетельствует о популярности произведения и почитании Михаила Черниговского как святого. Нельзя сказать, что современники не знали, как князь Михаил не откликнулся на просьбу братьев о помощи, как он сбежал из города в Венгрию во время нападения татар и т. д. Правда, Новгородская летопись несколько раз указывает и на положительные черты Михаила как князя, особенно на его благочестие и милость к простым людям. Несмотря на неоднозначное отношение летописцев к Михаилу, народ воспринял Сказание об убийстве в Орде как житие святого и, безусловно, чтит черниговского князя. Сказание подает его намерение пойти в Орду именно как стремление свидетельствовать о Христе своей смертью. С. О. Павленко называет этот поступок Михаила вызовом Орде,²⁷ хотя с точки зрения самих ордынцев смерть, пожалуй, и не вызов. Тем не менее чувства Михаила в произведении описаны однозначно: «...посла Богъ благодать и даръ Святаго Духа на нь [Михайла] и вложи ему въ сердце ѣхати предъ цесаря и обличити прелесть его, ею же лстить крестьяны»;²⁸ или еще: «Азь быхъ того хотѣлъ кровь свою пролияти за Христа и за вѣру крестьяньскую».²⁹ «Михайло Чернігівський, — пише С. О. Павленко, — став героєм житій, сказань саме тому, що як керманич, як людина, за мірками XIII—XVII ст., здійснив подвиг: не зважаючи на природне бажання жити, він не зрадив Богу, православній вірі».³⁰ Смерть князя Михаила воспринята его современниками как прообраз победы над татарами: если сейчас нельзя сломить дух русичей, то когда-то и их военную мощь татары не преодолеют.

²⁴ Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Лаврентьевской летописи / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. Т. 5. С. 100.

²⁵ Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 144.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді.

²⁸ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР. Т. 5. С. 156.

²⁹ Там же.

³⁰ Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. С. 45.

Идея праведной смерти как добродетели получила наивысшее развитие в «Слове о Меркурии Смоленском», основанном на местной смоленской легенде, которая, по мнению Л. А. Дмитриева, была записана не раньше второй половины XV в.³¹ Длительное существование устной легенды свидетельствует о достаточно активном почитании памяти св. Меркурия и обуславливает глубокий символизм этого произведения. Здесь смерть не результат поражения, а храбрость не является следствием хорошей военной подготовки; все совсем наоборот. Вместо военной подготовки отрок Меркурий проходит скорее монашескую выучку: «благочестивъ сый в заповедехъ Господних, поучаяся день и ночь, цвѣтый преподобным житием, постом и молитвою сияя, бо яко звѣзда богоявленна посреде всего мира. Бяше бо умилен душею и слезень, часто прихождаше ко кресту Господню молиться за мирь».³² В проповеди о Демьяне Куденовиче, которая, по мнению ученых, легла в основу легенды о Меркурии, главный герой умирает от ран, когда возвращается победителем с поля боя. Легенда же о Меркурии оставлена без этого логического объяснения причины его смерти — здесь Меркурий умирает мистически: ему, по пророчеству Божией Матери, после победы над всем Батыевым войском является «прекрасный» человек, которому воин должен отдать свое оружие, и этот удивительный персонаж отсекает Меркурию голову: «Та же предста Меркурию прекрасен воинъ. Он же поклонися ему и вда все оружие свое и, преклонь главу свою, и усечен бысть».³³ Меркурий не погибает от этого, но с собственной головой в руках возвращается в свой город, где после ряда чудесных событий умирает в церкви, окруженный большим уважением со стороны верующих.

Эта легенда свидетельствует о формировании совершенно нового отношения к смерти во время всенародного бедствия: если раньше воспевались ратные подвиги древнерусских воинов, то теперь Евпатий Коловрат вызывает уважение Батя своей храбростью и мужеством во время поражения, Михаил Черниговский бросает вызов Орде смертью, а Меркурий побеждает полки татар святостью и умирает не от татарского оружия, а от меча воина небесного. Парадоксальное восприятие смерти, которая, по христианскому вероучению, является не концом жизни, а лишь переходом к жизни вечной, помогает русичам осознать беду, постигшую их во время нашествия, пережить ее и не впасть в отчаяние. Но такое осознание смерти одновременно свидетельствует о крайне напряженном размышлении народа о всенародном горе. Оно переросло бы в фатализм или во всеобщее безразличие к жизни, если бы не происходило в русле христианского вероучения и не сопровождалось таким же напряженным суждением о причинах бедствия, которое постигло страну.

Все авторы летописей, подходя к описаниям нашествия, анализируют его причины и сходятся в одном: нашествие является карой за грехи. Вместо ропота или отчаяния в произведениях царят покаянные настроения. Так, Лаврентьевская летопись сообщает: «И бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды. За умноженъе безаконий наших попусти Богъ поганья не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣлъ.

³¹ Дмитриев Л. А. «Слово о Меркурии Смоленском»: Комментарии // БЛДР. Т. 5. С. 480.

³² Слово о Меркурии Смоленском / Подгот. текста и пер. В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР. Т. 5. С. 163.

³³ Там же. С. 166.

И сими казньми казнить нас Богъ, нахоженьем поганых; се бо есть батогы его, да негли встягнувшесе от пути своего злаго».³⁴ Юрий Ингоревич в «Повести о разорении Рязани Батыем» так говорит подчиненным: «О господия и братиа моа! Аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим?»³⁵

Самое яркое описание покаянного ощущения с указанием на то, за какой грех наказывает Бог Русскую землю, находим в Тверской летописи, где рассказу о нашествии автор предпосылает такую фразу: «Но не сихъ же [татар] ради сие случися, ко гордости ради и величания рускыхъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мнящесе своею храбростию съдѣловающе. Имѣяхуть же и дружину многу и храбру, и тою величающесе...»³⁶ Автор особенно акцентирует внимание на том, что не татары виноваты в бедах русских князей, хотя, казалось бы, естественно было бы прибегнуть к описанию того, насколько враги безбожны, жестоки, страстны и т. д. Нет, именно об этом мы не найдем в описаниях нашествия ни одного большого отступления с драматизацией и амплификацией. Жестокость врага воспринималась нашими предками как данность, нечто такое, о чем даже говорить долго не стоит, это просто существует, и об этом точно знает Бог, поэтому нечего об этом рассуждать. А вот грехи русских князей именно то, что заслуживает подробного разговора, поэтому летописец, указав, что причиной беды были не татары, а собственная греховность, прибегает к содержательному описанию междоусобных «браней», измен, зависти и братоубийств князей, рассказ о которых автор летописи заканчивает такими словами «И быша челомъ вси тыи храбрыи великому князю Мѣстиславу Романовичу, о них же князь великий велми гордящесе и хвалящесе, донеле же сиа злоба съключися, о ней же повѣсть предлежитъ».³⁷

И сразу после этого в летописи следует рассказ о том, как начали доходить до русских слухи о татарах. Итак, летописец, вероятно, главным грехом князей считал их спесь и похвальбу своим войском и властью, поэтому наказание, заключающееся в поражении от более сильного властителя и более мощного войска, естественно было воспринимать как наказание Божье.

Этот мотив проходит через все древнерусские литературно-исторические произведения, посвященные татаро-монгольскому нашествию, он является не только сквозным, но и стилеобразующим, поскольку, как мы видим, даже композиция некоторых произведений и использование художественных средств были подчинены этой идее. Если иметь в виду, что именно искупительные мотивы являются доминантой художественного мышления средневекового книжника, то и парадоксальная композиция Сказания о перенесении образа Николая Зараского, и чрезвычайная популярность Жития Михаила Черниговского, и длительные отступления в прошлое тверского летописца становятся понятными и оправданными.

Итак, в произведениях, посвященных татаро-монгольскому нашествию, мы видим переосмысление смерти. Честная смерть представляется средневековым авторам «посещением Божиим», получением венца, событием, которое занимает промежуточное положение между горем и радостью. Радость,

³⁴ Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Лаврентьевской летописи. С. 96.

³⁵ Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 142.

³⁶ Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Тверской летописи. С. 108.

³⁷ Там же. С. 110.

впрочем, здесь настолько смешана со слезами, что для поддержки людей требуются принесение чудотворного образа и ряд божественных видений. Смерть является и той чашей, которую воинам предстоит испить, как в свое время Христу, и аллюзией на чашу Причастную, и избавлением от скорби, охватившей всю Русскую землю. Две описанные нами идеи — покаяния и переосмысления смерти — были, на наш взгляд, спасительными для наших предков, которые находились в состоянии крайнего отчаяния во время нашествия; эти же идеи способствовали возрождению нации после него.

Список литературы

- Білоус П. В.* Українська середньовічна література: Монографія. Житомир: Видавець Євенко О. О., 2015. 584 с.
- Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М.: Т-во «Клышников, Комаров и К^о», 1992. 320 с.
- Дмитриев Л. А.* «Слово о Меркурии Смоленском»: Комментарии // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 480.
- Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Лаврентьевской летописи / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 92—105.
- Летописные повести о монголо-татарском нашествии: Из Тверской летописи / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 106—131.
- Лихачев Д. С.* Литература трагического века в истории России // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. 528 с.
- Лобакова И. А.* «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Комментарии // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 472—479.
- Мазуров А. Б.* Существовала ли в XIII—XV вв. чудотворная икона Николы Корсунского (Зарайского)? // Палеоросия: Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Науч. журнал. 2020. № 1 (12). С. 140—158.
- Павленко С. О.* Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів: Видання журналу «Сіверянський літопис», 1996. 80 с.
- Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 132—155.
- Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 132—139.
- Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 156—167.
- Слова и Поучения Серапиона Владимирского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 370—385.
- Слово о Меркурии Смоленском / Подгот. текста и пер. В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 164—167.

References

- Bilous P. V.* Ukrains'ka seredn'ovichna literatura: monohrafiia. Zhitomir: Vidavets' Ezenko O. O., 2015. 584 s.
- Dmitriev L. A.* «Slovo o Merkurii Smolenskom»: Kommentarii // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 480.
- Gumilev L. N.* V poiskakh vymyshlennogo tsarstva. Moskva: Tovarishchestvo «Klyshnikov, Komarov i K^o» 1992. 320 s.

Letopisnye povesti o mongolo-tatarskom nashestvii: Iz Lavrent'evskoi letopisi / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii D. M. Bulanina // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 92—105.

Letopisnye povesti o mongolo-tatarskom nashestvii: Iz Tverskoi letopisi / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii D. M. Bulanina // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 106—131.

Likhachev D. S. Literatura tragicheskogo veka v istorii Rossii // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. 528 s.

Lobakova I. A. «Skazanie o perenesenii obraza Nikoly Chudotvortsia iz Korsunia v Riazan'» i «Povest' o razorenii Riazani Batyem»: Kommentarii // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 472—479.

Mazurov A. B. Sushchestvovala li v XIII—XV vekakh chudotvornaia ikona Nikoly Korsunskogo (Zaraiskogo)? // Paleosiiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh: nauchnyi zhurnal. 2020. № 1 (12). S. 140—158.

Pavlenko S. O. Kniaz' Mikhailo Chernigivs'kii ta iogo viklik Ordi. Chernigiv: Vidannia zhurnalu «Siverians'kii litopis», 1996. 80 s.

Povest' o razorenii Riazani Batyem / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii I. A. Lobakovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 132—155.

Skazanie o perenesenii obraza Nikoly Chudotvortsia iz Korsunia v Riazan'» / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii I. A. Lobakovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 132—139.

Skazanie ob ubienii v Orde kniazia Mikhaila Chernigovskogo i ego boiarina Feodora / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii L. A. Dmitrieva // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 156—167.

Slova i Poucheniia Serapiona Vladimirskogo / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii V. V. Kolesova // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 370—385.

Slovo o Merkurii Smolenskom / Podgotovka teksta i perevod V. V. Kolesova, kommentarii L. A. Dmitrieva // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. T. 5: XIII vek. S. 164—167.